

Наиль Муратов

ПСИХОПАТ

Серия «Самое время!»

Для дебюта в российском издательстве известный украинский писатель Наиль Муратов выбрал две очень разные повести — психологический триллер и остросюжетный «экшн». Впрочем, и общего у них много: туго закрученные интриги и, прямо скажем, нестандартные персонажи. Словно в компьютерной игре, читателю приходится проходить все более сложные уровни, на каждом из которых по-новому раскрываются личности героев — будь то нравственно ущербный психопат, юная взбалмошная дочь российского олигарха или молодой одесский поэт, влюбленный в замужнюю женщину. Развязки будут неожиданными.

*Издательство выражает
признательность ООО «ГазИнтер-
Авто» за содействие в выпуске книги*

Наиль Муратов

ПСИХОПАТ

ПСИХОПАТ

Дождь. Я знаю, это *мое* утро; день, начинающийся с шороха капель, с бледного сумрака, остужающего комнату. Бессонница превращает разум в горячую липкую кашу, в месиве которой мысли вязнут, так и не успевая созреть. Бессонница принадлежит ночи — вместилищу кошмаров, раздирающих на ошметки мой воспаленный мозг; оборотни тьмы не спят, они останавливают ток крови, оставляя в замкнутом пространстве комнаты пунктир невидимых глазу следов, и ты бьешься в судорогах, корчишься от бессилия, потому что не можешь унять вырвавшихся из чернильной темноты демонов — исчадий ада, заключенного внутри твоей собственной души. Но вакханалия утишается, чуткие уши незваных гостей уловили монотонный успокаивающий стук — вестник дождливого утра, когда просыпающийся инстинкт гонит меня наружу, в сырость и слякоть города, а сладостное предчувствие близости с незнакомой женщиной леденит разжижившуюся кровь. В зеркале, прилепившемся к дверце шкафа, холодное отражение рассвета тонет в искусственном свете люминесцентной лампы, а тень, скользнувшая по стеклу, — это моя тень, живущая отдельно от других теней, мечущихся в испуге по стенам и потолку. Сегодня — пиршество тварей, заселивших мой мозг, танец бестелесных гурманов, питающихся чужим испугом. Страх — это их десерт, лакомое блюдо, и они готовы вывернуться наизнанку, только бы не пропустить момент, когда страха становится так много, что он убивает сам себя. В такие мгновения интеллект перерождается, превращаясь в уникальное мыслящее устройство, созданное для решения одной-единственной задачи, на самом деле не подразумевающей решения. Это уравнение со множеством переменных и постоянных, имеющее только мнимые корни, оно сродни инструменту со множеством струн и колков, ждущему талантливого исполнителя. *В музыке дождя не должно быть фальшивых нот.* В его монотонном шуме — лейтмотив увертюры, звучавшей в отдаленной провинции моего сознания, в царстве изощренной и болезненной фантазии, превращающей в искусство то, что именуется криминальным деянием. Я — новая переменная, неопределенная величина, неизвестный фактор! Моя психика обострена шуршанием дождя и предчувствием предстоящей встречи с неизвестной женщиной. Где-то в недрах города любимая и одновременно ненавидимая мной незнакомка,

наверное, уже пьет утренний кофе, глядя с неудовольствием на унылый пейзаж за окном. Ей еще нужно сделать макияж и множество других необходимых дел, пустяковых по сути, но так эффектно отличающих женщину от мужчины. Она подавлена, плохо спала, да и погода не улучшает настроения, но, я уверен, чувство долга не позволит ей остаться дома. Пустота и страх, воцарившиеся в сердце незнакомки, предreshают нашу встречу, она неизбежна, и я жду ее, потому что ради этого и существую. Я — человек дождя, затаившийся в хрупкой скорлупе типовой квартиры, терпеливый как паук, как молчаливые артефакты Стоунхенджа.

В дождливые осенние дни на городское кладбище приходят по необходимости. Здесь никого не ждут: обитель усопших закрыта для новых захоронений, и траурные процессии с торжественной неторопливостью отправляются в другие районы. Дорожки, тропинки, проходы между ограждениями — это декорации, теснящиеся на сцене театра, принадлежащего мне одному. Я знаю здесь каждый памятник, каждую надгробную плиту, и фамилии незнакомых покойников навечно врезались в мою память.

Узкая щель между двумя оградами ведет к могиле, заросшей кустами сирени, она давно заброшена, ветхий навес не защищает ни от дождя, ни от ветра. Отсюда можно увидеть участок стены, огораживающей территорию кладбища, и узкую калитку — его черный ход. Вряд ли *она* пойдет через центральные ворота, но даже в таком случае я не смогу не заметить ее ладную фигурку на песчаной аллее. Спешить некуда, ожидание стало частью моей жизни, такой же приятной привычкой, как курение или прием амфетаминов. Время до ее появления тянется так медленно, что я начинаю ощущать растущую в воздухе напряженность, турбулентное завихрение токов, подстегивающих воображение игольчатыми уколами. Я представляю, как *она* сворачивает в проход, ведущий к могиле мужа, протискивается между деревом и скамейкой, проходит возле двух постаментов с полуразвалившимися стелами и упирается в некогда белую, а ныне серую от грязи решетку, за которой скрывается каменная плита с высеченным на фронтоне крестом.

Сжимая в руке букетик гвоздик, я жду ее, женщину, дарованную мне судьбой, и знакомый силуэт возникает, наконец, из-за поворота в конце аллеи — *она* приходит, как и другие мои незнакомки, неожиданно. Из своего убежища я

слежу за неспешным ее приближением, чувствуя, как тело мое растворяется в каплях дождя, и обманчивое ощущение невесомости заставляет сердце сладко замереть. Наше знакомство состоится скоро, в ту минуту, когда *она* с ханжеским лицемерием возложит цветы на могилу мужчины, имевшего несчастье называться ее мужем.

Женщина сворачивает с аллеи и проскальзывает в узкий проход между двумя рядами истерзанных временем оградок и памятников. Я не спешу: моей незнакомке уже некуда деться. Ее фигурка мелькнула среди решеток и деревьев и потерялась окончательно, но беспокоиться нет оснований. Я знаю дорогу к каменной плите, накрывшей последнюю обитель ее мужа, помню наизусть каждое высеченное на ней слово.

Они — обвинительный акт, брошенный на весы Фемиды.

Пора.

Она стоит, чуть сгорбившись, возле могилы, на которой уже успела разложить свои желтые розы, женщина лет тридцати трех — тридцати пяти, чье миловидное лицо я успел полюбить еще в тот день, когда траурная процессия сгрудилась возле ямы, которая отвоевала половину пространства внутри ограды, выкрашенной в белый цвет. Заплаканная, придавленная тяжестью утраты, тогда она не казалась такой привлекательной, как сейчас. Заметив незнакомою мужчину, женщина вздрагивает и пытливо меня оглядывает, но я не замечаю паники в ее глазах. Красные гвоздики в моей руке выглядят настолько успокаивающими, что она даже качает головой, как бы смеясь над собственным страхом. Кивнув в знак приветствия, я прохожу за решетку и аккуратно раскладываю цветы на могильной плите. Морщусь. Красные гвоздики, перемешанные с желтыми розами, — картина, лишенная эстетики, раздражающая взор.

— Вы были знакомы с Егором?

На этот естественный вопрос я не отвечаю, только вновь киваю. Нас разделяет не более десятка сантиметров; замерев у надгробной плиты, слегка сутулясь под мелким дождем, мы храним скорбное молчание. Я ощущаю, насколько близость этой женщины волнует меня, но торопиться не следует: пусть *она* начнет разговор первой.

— Вы были его другом?

— Нет, нас связывали деловые отношения.

Ей любопытно, я вижу, как она безуспешно пытается вспомнить мое лицо.

— Мы не знакомы?

— Познакомиться не привелось, но Егор рассказывал мне о вас.

— Как давно вы знали моего мужа?

— Встретились случайно, незадолго до его смерти. Он разыскивал специалиста, способного помочь в решении весьма щекотливой для него проблемы, и один из бывших моих клиентов вывел вашего мужа на меня.

— Ваша профессия — юрист?

— Мечтал им быть, но — увы! — не сложилось. К счастью, иногда удается помогать людям другими способами.

— Вы альтруист? — Легкая ирония, заключенная в вопросе, лишь подтверждает, что *она* умна, и это усиливает мое влечение к незнакомке. Альтруист ли я? или мизантроп? или тот и другой одновременно? Нет ни малейшего резона скрывать правду, и я отвечаю:

— В каком-то смысле да, альтруист. Но я люблю отдельных людей, а вот к человечеству в целом отношение сложное.

— Вы не оригинальны. — Ее замечание сопровождается быстрым взглядом, охватившим мое лицо, я чувствую растущий интерес незнакомки. — Но не следует забывать, что человечество состоит из отдельных людей!

— Да, конечно, но каждому в душу не заглянешь, вот в чем проблема.

Она улыбается; здесь, в царстве усопших *она* уже не чувствует себя подавленной, присутствие незнакомого мужчины исподволь делает свое дело, пробуждая самый глубокий из спрятанных инстинктов — стремление нравиться и очаровывать — естественное желание женщины, обостренное чувством одиночества.

— Следует ли вообще заглядывать в чью-то душу? Насколько этично пытаться узнать о человеке нечто такое, что он не хочет открывать?

— Не знаю. Иногда случается так, что лучше знать, чем не знать, но для этого всегда должны быть свои причины.

— И вам действительно приходилось заглядывать в чужие души? — Тональность вопроса является скрытым приглашением к разговору, приятному для нас обоих, незнакомка выговаривает слова многозначительно, сопровождая их ободряющим взглядом.

— Приходилось, в меру моего разумения.

— Сложно понять другого человека?

— Сложнее всего понять себя самого... но, боюсь, вам это не покажется занимательным.

— Напротив, очень интересно. — Она оживлена. Беседа с незнакомцем, невесть откуда свалившимся на ее голову, не может показаться скучной женщине, выбитой из ритма жизни. — Мне кажется, что вы весьма необычный человек.

— Боюсь, разочарую, но я — обыкновенный трудоголик. Наверное, такой же, как и ваш муж.

— Не знала его с этой стороны.

— Возможно, вы вообще мало его знали. Впрочем, это обычная история.

— Обычная?! Поверьте, за десять лет совместной жизни о человеке узнаешь все. Его привычки, иногда просто отвратительные, его самые мерзкие черты характера, и даже увлечения на стороне, которые он пытается скрыть так неумело, что они превращаются в секрет Полишинеля. Как вы понимаете, я говорю не о своем муже, у нас-то все было нормально, но ни одна из моих школьных подруг — а мы продолжаем дружить до сих пор — не сумела сохранить свой брак. Каждый мужчина на поверку оказывается ленивым слюнтяем, живущим исключительно в свое удовольствие.

— Тем не менее, ваш муж был иным, не так ли?

— У Егора хватало недостатков, и все-таки мы уживались мирно. Я — вовсе не мед и, понимая это, стараюсь относиться к мужчине толерантно, особенно если он что-то для меня значит.

— А Егор значил что-то?

— Разумеется, раз я вышла за него замуж. — Эти слова она произносит сердито: женщину злит, что собеседник не оправдывает ее ожиданий, ограничиваясь банальными вопросами, а я не тороплюсь раскрывать карты, мне хочется разговорить незнакомку перед тем, как высказаться самому.

— Я понимаю, что выгляжу назойливым, но мне интересно, что вы сами думаете о своем браке?

— Он был вполне благополучным. Мы с Егором терпимо относились друг к другу, и это здорово облегчало совместную жизнь. Тяжелыми были последние месяцы: у мужа выявили неизлечимую болезнь, и он очень тяжело это переживал. Может быть, из-за этого и ушел так рано.

— Он сильно вас измучил?

— Такова женская доля — терпеть. Мужчины мнительны, куда мнительнее женщин. Когда им кажется, что они больны, они начинают терроризировать окружающих, и первой под обстрел попадает жена. — *Она* взглянула куда-то мимо меня,

потом опустила глаза. — Интересно, почему я с вами так разоткровенничалась?

— Вы же видите, я — хороший слушатель, и мне не все равно, что вы скажете.

Было ясно, что ее первый порыв к общению угас; сейчас женщина, возможно, ругает себя за излишнюю откровенность с незнакомым мужчиной, не осознавая еще, что исповедоваться лучше тому, с кем не знакома. Я улыбаюсь ей ободряюще, потому что наш диалог не должен прерваться на полуслове: приближается минута, когда мне придется сообщить собеседнице шокирующую новость. Хочется, чтобы к этому моменту я полностью понимал эту женщину, чувствовал ее реакцию, иначе все мои усилия окажутся напрасными.

— Со мной беседовать легко, мы расстанемся и унесем наш разговор с собой, каждый в свою сторону, в свою обособленную жизнь, и ничто из сказанного не всплывет ни среди друзей, ни среди врагов.

Молчание, фоном которого служит лишь шелест дождя; незнакомка задумалась, тщательно, словно на аналитических весах, взвешивая мои слова. Чувствую, что вызываю у нее почти болезненный интерес.

— Вы используете речь не так, как это делают в моем кругу. — *Она* по-прежнему не смотрит в мою сторону. — Вы — опасный человек, особенно для женщин.

Сумела ли она разглядеть вычурную сложность моего сознания, одинокого, заполненного компостом удивительных желаний? Ее слова можно толковать по-разному. Эта женщина притягивает, как магнит, и я понимаю, что готов сказать ей главное.

— Я опасен только для одной женщины — для *вас*, остальные меня не интересуют.

— Почему? — Мои слова ее совсем не пугают.

— Хочется понять вашего мужа. Он обратился ко мне незадолго до смерти с необычной просьбой.

— Так наша встреча не случайна?

— Она предначертана... но только не богом.

— Тогда дьяволом? — Судя по тонкой усмешке, незнакомка воспринимает происходящее как флирт, более того, она готова включиться в игру.

— Нет, вашим мужем.

Теперь она заинтересована всерьез, я ощущаю напряженное любопытство в голосе, когда она спрашивает:

— Что он хотел?

— *Чтобы я вас убил.*

Первый шаг сделан. Мое сознание обостряется, балансируя на грани умопомрачения. Словно в замедленной съемке, я наблюдаю за изменением выражения *ее* лица. Вот он, момент истины, точка невозврата, определяющая характер дальнейших отношений. Но *она* не верит, принимая мой ответ за розыгрыш.

— Если это шутка, то неудачная.

Ее взгляд приобретает пасмурный оттенок: я не оправдал ожиданий незнакомки, я кажусь ей слегка свихнувшимся парнем, по которому плачет городская психушка. Не остается ничего иного, как вытащить из кармана нож, и тусклый блеск стального лезвия вызывает привычную реакцию: женщина немедленно замирает, а ее глаза наполняются ужасом. Заточенный металл — лучший аргумент, подтверждающий серьезность моих намерений. Я не тороплюсь, давая *ей* время окончательно осознать серьезность положения; незнакомке нужны эти мгновения, растягивающиеся и наливающиеся страхом, она заполняется им, словно бассейн водой. Страх обездвиживает *ее*, лишая возможности сопротивляться, потому что эта женщина уже знакома с его парализующим эффектом, она не раз ощущала его раньше и внутренне готова поклониться. Я испытываю удовлетворение от того, что *она* такая, какой я и хотел ее видеть, и это делает ощущение близости еще более острым.

— Я... не понимаю.

На лице незнакомки смятение, но палачу не полагается жалеть свою жертву, и я отворачиваюсь, принимая отсутствующий вид. Мне нечего ей сказать: она еще не готова к диалогу с человеком, превратившимся из приятного собеседника в орудие возмездия. Томительное молчание. Способность мыслить понемногу возвращается к ней, и женщина задает главный вопрос:

— Но... почему?

— Вам это известно лучше, чем мне. Егор не делился со мной подробностями.

— У него не было причин для... такого сумасбродства.

— Думаю, были. Ваш муж не производил впечатления ненормального, и он точно вас ненавидел.

— Наш брак считался вполне удачным, у Егора не было оснований для ненависти. — Ее голос дрожит от обиды, незнакомка искренне верит в то, о чем говорит.

— Неважно, какими ваши отношения выглядели *снаружи*, главное — какими они были *внутри*. Сам Егор рассматривал

себя как потерпевшую сторону.

— Из нас двоих потерпевшей стороной была я! — зло выкрикивает *она*, и я понимаю, что сейчас услышу, наконец, правду. — Моя жизнь с ним оказалась настоящим мучением.

— Только в последнее время! — уточняю я. Очень важно показать незнакомке, что я знаю больше, чем говорю, иначе у нее опять появится соблазн лгать.

— Да, поначалу все шло хорошо. Три года как во сне, а потом резкое пробуждение. Егор изменился неожиданно, он перестал меня замечать, раздражался по малейшему поводу, а наш секс превратился в очень скучное мероприятие.

— Он мне говорил то же самое: вы перестали уделять ему внимание, были постоянно раздражены, да и в постели вели себя пассивно, чаще всего вообще отказываясь от близости.

— Да, у меня случались иногда головные боли, настолько невыносимые, что просто хотелось лежать и не шевелиться, но он этого совершенно не понимал. Он был тем еще жеребцом, а крутому парню не к лицу прислушиваться к просьбам жены оставить ее на некоторое время в покое. Я уверена, что заслуживала иного отношения, ведь на мне висела вся домашняя работа, в то время как мой драгоценный муж ничем себя не утруждал. В собственном доме я чувствовала себя невольницей, вечным изгоем, обязанным молчать и подчиняться. Но каплей, переполнившей чашу, стало то, что он завел любовницу.

— Почему вы так решили?

— Поверьте, женщины всегда ощущают такие вещи. Если ты столько времени провела с одним мужчиной, то знаешь все его мысли задолго до того, как они приходят ему в голову.

— Вы чувствовали умственное превосходство над мужем?

— Вовсе нет. Я просто понимала, какое это ленивое и никчемное существо. Впрочем, то же самое можно сказать о большинстве мужчин.

— Возможно, но разве умно было постоянно попрекать мужа, делать ему замечания в присутствии посторонних людей. Вряд ли это могло привести к укреплению брака.

— Он получал лишь то, что заслуживал.

— Егор так не считал. В разговоре со мной он подчеркивал, что вы сознательно его унижаете. Складывалось впечатление, что вы его просто ненавидите.

— Скорее, он ненавидел меня.

— Ошибаетесь. Мне показалось, он любил вас.

Она горько смеется: ей понятен скрытый смысл моих слов, но *она* не готова принять их на веру.

— Так любил, что не смог расстаться со мной даже на том свете? — Я чувствую ее возмущение. — Надумал прихватить с собой жену?

— Не знаю, но я ощущал, что ему не все равно. Меньше всего это напоминало равнодушие.

— Замечательно, когда мужчина *заказывает* женщину от избытка любви. Никакой другой характеристики уже не нужно. Скажите, как дорого обошлись Егору ваши услуги?

— Не могу сказать — коммерческая тайна!

— Итак, он заплатил кучу денег неизвестному человеку, зная, что умирает. Он представлял себе, во сколько обойдутся его похороны? На что я буду жить?

— Ваш муж не ломал над этим голову, его интересовало только свершение правосудия.

— Действительно, зачем забивать голову такими мелочами, как, например, то, чем будет питаться его сын?

— Это отдельная тема. О мальчике должны были позаботиться родители Егора. Он не сомневался, что вы настраиваете сына против него.

— Послушайте, мне совсем не хотелось, чтобы ребенок вырос таким же бесхребетным, как его отец.

Поселившийся в ее взгляде страх скукожился до размеров пылинки, уступив место убежденности в собственной правоте. Нельзя позволить ей остаться в таком состоянии, и я обрываю диалог:

— Пожалуй, мы слишком разговорились.

— Это плохо? — с вызовом спрашивает она.

— Нет, не плохо, но не нужно забывать, что работа у меня сдельная, а не почасовая.

— Вы так спокойно об этом говорите.

— Привык. Без сарказма в нашем ремесле делать нечего. — Я беру ее под локоть и подталкиваю, принуждая выйти из оградки. — Придется нам прогуляться в более удобное место.

Она бледнеет, понимая, куда мы направляемся. Хватается рукой за один из металлических прутьев оградки. Мой нож рассекает воздух всего в сантиметре от ее пальцев, заставляя женщину вскрикнуть. К ней вновь возвращается страх.

— Советую не сопротивляться. — Мой голос спокоен и убедителен. — Иначе расстанетесь со своими пальчиками.

Теперь она покорно вышагивает рядом со мной по узкой дорожке, ведущей вглубь участка. Ощущаю, как дрожит ее

локоть. Неожиданно незнакомка останавливается: в нескольких десятках метров от нас меж могилами молчит согбенная фигура, плохо различимая в сумраке дождливого утра. Бомж. Я улыбаюсь своей спутнице:

— Можете обратиться к нему за спасением.

— И это поможет? — Ее ирония на фоне смертельного испуга мне нравится.

— Нет, местная публика очень осторожна. Бомж может проследить за нами, но вмешиваться не станет.

— И все же я попробую. — Она набирает в легкие воздуха, собираясь крикнуть. Зажимаю ее рот ладонью.

— Глупо! Играете мне на руку: проследив за нами, он дождется моего ухода, а затем займется вами, вернее, вашим бездыханным телом.

Ее глаза наполняются ужасом. Она задает вопрос, заранее зная ответ:

— Чем он со мной займется?

— Тем, чего давно лишен, — любовью. Это снимет с меня всякие подозрения.

Мы приходим, наконец, туда, где по моей версии должно свершиться возмездие, а по мнению незнакомки — акт вопиющей несправедливости. Самодельным ключом открываю дверь в полуслепое каменное строение, скрывающее понижающий трансформатор. В помещении сухо и достаточно тепло, низкое гудение, идущее из-за решетки, отгородившей половину комнаты, звучит успокаивающе. Света, просочившегося сквозь вентиляционную решетку, недостаточно, зажигаю принесенную с собой свечу.

— Это за упокой моей души?

Незнакомка нравится мне все больше и больше; находясь рядом с такой женщиной, можно не опасаться, что общение окажется скучным. Впрочем, подобные мысли следует гнать из головы вон, если не хочешь остаток жизни провести за решеткой. Пытаюсь разглядеть ее глаза, кажущиеся в сумраке темными провалами на белом лице. Женщина замирает, прислонившись к стене, затем восклицает:

— Послушайте, это какой-то бред! У вас нет причин меня ненавидеть.

— С чего вы взяли, что я вас ненавижу?

— Потому что хотите меня убить!

— Что делать: заказ оплачен.

— Давайте просто разойдемся и забудем про ваш заказ.

— Вы не понимаете... это невозможно.

— Почему? Заказчик умер. Деньги получены. Никто ничего не узнает.

— Дело в профессиональной этике. Нельзя обмануть самого себя.

— Ну хорошо, поговорим иначе. У меня, как вы сами понимаете, не осталось никаких сбережений — Егор позаботился об этом, — поэтому я не могу предложить вам ничего, кроме самой себя. Я вам симпатична?

— Да.

— Хотите меня?

Она пришла к тому же, к чему приходят все женщины. Каждая из них искренне считает себя ценным призом, к обладанию которым стремится любой мужчина.

— Откуда вы знаете, что я вас не обману?

— У меня нет выбора. Остается только рисковать.

— Не думаю, что это хорошая идея. — Мой неуверенный ответ придает незнакомке смелости. Расстегнув пуговицы на плаще, она просовывает руку под свитер и расстегивает змейку на моих брюках. Я ощущаю прикосновение ее ледяных пальцев, добравшихся до цели, их холод вызывает озноб. Но у озноба есть и иная причина, и женщина, почувствовавшая мое возбуждение, облегченно вздыхает.

— Ну вот, все хорошо! — Ее голос так нежен, будто она обращается к своему ребенку, но это иллюзия, *стокгольмский синдром*, на самом деле она меня ненавидит. Как ни странно, это лишь прибавляет желания, и незнакомка, ощутив его, наклоняется. Ее язык касается крайней плоти — момент, с которого, как ей кажется, начинается освобождение. Обеими руками отвожу ее голову и пытаюсь что-то разглядеть на лице, гротескном при таком освещении.

— Нет! — Становится легче. Незнакомка чуть не вывела меня из игры, хотя и не нарушала ее правил.

Она недоумевает:

— Я вам не нравлюсь?

— Нравитесь. Но давайте повременим с *этим!* Думаю, вы так и не поняли, почему Егор решил прибегнуть к услугам профессионала.

— Да он просто сошел с ума! — Упоминание о муже вновь приводит ее в бешенство. — Я не давала ему повода для столь неуместной ненависти. У нас случались бытовые ссоры, но за это ведь не убивают, правда? Не могу понять мужа, хотя еще недавно считала, что знаю его.

— Как видите, он оказался личностью более сложной, чем вам представлялось. Кстати, в отличие от вас, я ему

сочувствую. Кому понравится, если его жена заводит любовников!

Молчание. Самый важный момент, когда незнакомке нужно определиться, что говорить дальше, новая точка отсчета, переводящая нас в иную систему координат. *Она* делает ход первой, в ее вопросе — возмущение:

— С чего он это взял? Какие любовники?

— По меньшей мере, двое. Один из них — постоянный, другой, похоже, случайный. Егор не очень охотно об этом рассказывал.

— Он ошибался. Любовницы были у него.

— Но, согласитесь, не в последний год жизни!

— В последний год жизни он был уже никому не нужен. — *Она* почти кричит. — Понимаете, никому!

— Да, даже вам.

— Когда муж заболел, я свои обязанности по отношению к нему исполняла честно, и чем он отплатил?

— Егор все время подчеркивал, что ваша неверность убивает его куда сильнее, чем болезнь. Особенно, когда ему удалось выяснить личность вашего... партнера.

Незнакомка отвернулась и как-то обмякла: слово «партнер» оказалось роковым. Мое восприятие обострилось настолько, что я почти осязаю ее отчаяние. Чувствую, как она напряглась, как мучительно ищет нужные слова, не важно, правдивые или лживые, главное, чтобы они соответствовали логике разыгрываемой ею комедии. Я не должен позволить их произнести и потому задаю вопрос первым:

— Скажите, они что-то дали вам, отношения с другими мужчинами? Вы чувствовали себя неотразимой?

— Чувствовала себя любимой! — глухо произносит она. — Но любовь оказалась очередной иллюзией. Имитацией чувства.

— Я вас понимаю. Имитировать любовь проще, чем чувствовать ее. Мне кажется порой, что люди, любящие друг друга по-настоящему, уже перевелись.

— Это особенно характерно для мужчин. Женщина нужна вам либо для развлечения, либо в качестве уборщицы или кухарки. Как видите, выбор у нас невелик — два типа мужчин, два типа отношений. — *Она* придвигается ближе, ее тон смягчается. — К какому из них относите себя вы?

— К первому!

— Позвольте усомниться! Мне кажется, что *вы* способны влюбиться в женщину по-настоящему.

Не имеет значения, говорит она искренне или пытается обольстить меня, рассчитывая на снисхождение. Ее удар поразительно точен, он попадает в незащищенное место. Приходится обороняться:

— А вы что, заводя любовника, рассчитывали на настоящее чувство? Кстати, Егору удалось установить личность своего соперника. Ваш муж был шокирован.

Оказался ли мой ответный выпад удачным? Незнакомка молчит, пытаюсь затаиться в тонкой, но удивительно прочной скорлупе отчуждения, что защищает любую женщину в скользких ситуациях. В разыгрываемой нами партии есть свой темп, и нельзя давать *ей* возможность сбить меня с него, пора перейти к прямым обвинениям:

— Уверен, вы шли на флирт, не испытывая никаких иных чувств, кроме желания отомстить мужу. Выбор любовника говорит сам за себя.

— Не знаю, наверное, в чем-то вы правы. Тогда я не задумывалась над этим, но сейчас понимаю, что так оно и было. — Она говорит правду, с этого момента между нами — полная откровенность.

— Вадим был другом Егора со школьных лет, а в последние годы стал компаньоном в бизнесе. Возможно, поначалу мне действительно хотелось завести легкий роман, досадить мужу, наставив ему рога, но беда в том, что у меня легких отношений с мужчинами не бывает. — Слышу ее горький смешок. — С вами в том числе.

— Вы *влюбились* в Вадима?

— Да, и в этом проблема любой женщины, вступающей в интимную связь с мужчиной. Нас даже не нужно обманывать, мы с восторгом примем самую откровенную ложь за чистую монету. Такова женская природа, с ней ничего нельзя поделать.

— Он был, конечно, женат?

— Да, и при жизни Егора у нас не возникало проблем. Вадим умел любить красиво, любить так, что я готова была потерять голову.

— А потом? Что случилось после того, как ваш муж умер?

— А ничего не случилось! Понимаете, вообще ничего! Я очень нуждалась в поддержке, но не получила даже намек на нее, наоборот, Вадим начал меня избегать, а когда мне удалось-таки выследить его, мой любовник любезно расставил все точки над «i». До этого он постоянно жаловался мне на жену, рассказывал, насколько неудачным оказался его

брак, но когда случай дал ему возможность радикально изменить свою жизнь, он оказался к этому не готов.

— Радикально изменить жизнь — развестись с женой и жениться на вас?

— Да, ведь ранее Вадим не уставал повторять, что хотел бы постоянно видеть меня рядом с собой. Его останавливало лишь то, что я была женой друга, а дружбу он не мог предать.

— Знаете, подобные аргументы есть в арсенале любого мужчины, они никогда не дают осечку.

— Понимаю, но в то блаженное время все представлялось мне в розовом свете. А вам тоже приходилось обманывать женщин?

— Хуже, мне приходилось их убивать. Вы же понимаете: нет смысла обманывать женщину, если собираешься отправить ее на тот свет.

Мои слова достигают цели: *она* замолкает, затем, страшась ответа, спрашивает:

— Вы хотите сказать, что убьете меня? Неужели я не заслуживаю снисхождения?

— Не знаю, я ведь не судья, а только исполнитель.

— Мне показалось, что между нами... что-то возникло.

— Что именно?

— Какое-то взаимопонимание. В вас есть то, чего я никогда не наблюдала в других мужчинах. Вы искренни. Странно, что такой чистый человек занимается столь грязной работой.

— Надо же как-то жить. Да и работа не особо грязная — обычно не приходится разговаривать с человеком, являющимся твоей мишенью. Люди, за смерть которых заплачены деньги, чаще всего симпатий не вызывают, и моя совесть остается чистой.

— А как вы относитесь ко мне?

— Хочу понять вас, но не могу. С моей точки зрения, вы виновны и не заслуживаете снисхождения. Но... я могу ошибаться.

— Вы ошибаетесь, не сомневайтесь. — Ее рука, вновь скользнувшая под мой свитер, прошлась по спине, вызывая сладостное оцепенение. — Разве я не являюсь пострадавшей стороной?

— Возможно, но что это меняет? Вы сделали жизнь мужа совершенно невыносимой, наставляя ему рога с близким другом. Согласитесь, у Егора было право на месть.

— Это какой-то бред! В наше время не убивают женщин за измену.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru